

К. В. МОЧУЛЬСКИЙ

Идея социального христианства в русской философии

<Фрагмент>

В русской философии нет «школ». Преемственность ее происходит по ломаной линии, в борьбе противоречий и отталкиваний. Для нее характерны диалектичность и антиномичность. И все же две общие черты объединяют все ее нестройное многообразие: религиозное вдохновение и общественный пафос. С момента своего зарождения в масонских ложах Екатерининской эпохи и до нашего пореволюционного времени, русская мысль всегда и неизменно было мыслью *религиозной*. Исповедуя Христа или борясь с ним, признавая Церковь или восставая на нее, все направления русской мысли — западничество, славянофильство, социализм, анархизм, толстовство — были явлениями христианского духа, событиями христианской истории. Конечно, на поверхности было и богоборчество, и безбожие, и самый крайний материализм, — но все эти падения и заблуждения свидетельствовали только о необычной напряженности религиозного процесса, совершавшегося в глубинах народной души. Если Дух Святой есть любовь к ближнему и милосердие, жажда правды и справедливости, то, верим мы, русская мысль никогда не была виновна в хуле на Духа. Русская интеллигенция, аскетическая и жертвенная, и уйдя от Христа, служила делу Его. Хомяков пишет: «Не Христа ли любит тот, кто любит Правду? Не Его ли ученик, сам того не ведая, тот, чье сердце отверсто для сострадания и любви? Не единственному ли Учителю, явившему в Себе совершенство любви и самоотвержения, подражает тот, кто готов жертвовать счастьем и жизнью за братьев?»¹ Религиозная стихия русской мысли направлена на «общее дело». Сердце России пронзено благовестием о Царствии Божием и горит страстной, нетерпеливой верой в скорое его пришествие. Читая русских философов от Чаадаева до Федорова, мы слышим одну молитву, в которой сливаются все голоса, в которой все еднородны: «Да приидет Царствие Твое!»

Русская мысль устремлена к концу, к свершению времен, к грядущему пришествию Мессии, она глубоко эсхатологична и мессианична. Но это пламенное чаяние будущего века не ослабляет, а, напротив, усиливает ее динамичность, ее активный характер. Царствие Божие силою нудится, люди призваны с помощью благодати Божией к приуготовлению царства, к осуществлению его на земле. Верная идея Богочеловечества, русская мысль занята *посюсторонним*, судьбой этого мира, гибнущего во грехе и жаждающего преображения. Поразительно равнодушные русской мысли к проблемам отвлеченной метафизики и гносеологии. В этом ее философская слабость, но вместе с тем и своеобразная сила. Русская мысль конкретна; недаром величайшие русские мыслители — Толстой и Достоевский — были художниками; она — положительна, прагматична, «проективна» («проекты» Вл. Соловьева и Н. Федорова); она хочет реального действия, непосредственного воплощения слова в дело. Цель ее — преображение мира путем братского единения людей, «святой общечеловечности», справедливого устройства общества. Ни в одной христианской стране социальный характер христианства не был так глубоко воспринят, как в России. Тютчевский образ Христа, «в рабском виде», обходящего «бедные селения», — навсегда останется сияющим символом русской мысли.

<...> Вл. Соловьев, Толстой и Достоевский в различной мере испытали влияние «Философии Общего дела» Николая Федорова. «Проект» всеобщего воскресения умерших отцов объединенными силами сынов, замысел, дерзновенный до безумия, до мистического ужаса, произвел на них громадное впечатление. Соловьев писал Федорову: «Скажу только одно, что со времени появления христианства Ваш “проект” *есть первое движение вперед* человеческого духа по пути Христову. Я со своей стороны могу только признать Вас своим учителем и отцом духовным».

Основная идея русской философии, проходящая под разными именами через религиозное творчество России XIX и начала XX века, идея, которую Чаадаев называл «всемирной силой христианства, действующей универсально в духовном мире»², Хомяков «соборностью», Соловьев «всеединством», Достоевский «христианским социализмом», у Федорова получает имя «многоединства». Мировой организм един: множественность бытия, замкнутого в отдельных своих частях, есть фикция разума. Задача человечества заключается в постепенном собирании разорванной множественности в «многоединство». Мир на всех ступенях своего всечеловеческого и космического бытия есть не данное, а заданное. Человечество призвано осуществить не только новое общество, но создать новую вселенную. Оно должно воссоединиться в единой семье; тогда слова «я» и «другие» заменятся словами «мы» и «все». Все братья, все близкие, «дальних вообще не существует». «Не эгоизм

и не альтруизм, а родственность»³. В этом чувстве родственности — залог будущего совершенства. Для дитяти все родственники, все — дяди и тети. Люди должны уподобиться детям, ибо, «если не будете как дети, не войдете в царствие небесное»⁴. «Союз любви», о котором говорили Хомяков и Достоевский, понимается Федоровым как всечеловеческое братство. Но братство связано с любовью к отцам, с вечной памятью о них. «Тайна братства скрыта в отцах, только через отцов мы братья»⁵. В начале была идеальная семья, из которой путем падения образовалось общество. «Истинная религия одна: это культ предков и притом всемирный культ всех отцов как одного отца, неотделимых от Бога Троицкого и несливаемых с Ним»⁶.

Сыновство находится в постоянном развитии и росте, оно становится все шире и общечеловечнее. Его смысл — теснейшее соединение прошедшего с настоящим; его конечная цель — воскрешение предков.

В учении и жизни Спасителя Федоров видит прежде всего заповедь: осуществить идею всемирного родства. Христос называет себя «Сыном Человеческим», показывая этим, что сыновство есть подлинное определение человека. Проповедь любви в Евангелии имеет целью собрать силы «сынов человеческих» для предстоящего им великого дела: воскрешения умерших.

Такое понимание Евангелия Федоров смело противопоставляет пониманию индивидуально-аскетическому: в последнем видит он причину замедления «общего дела». Христианская аскеза, «платонизирующее христианство» не понимает идеи «братственности». Не исполняя заповеди Спасителя: «будьте едины, как Я и Отец Мой — едины», люди разрывают узы родства, — отсюда их несчастье и бессилие. Мир, к преображению которого они призваны, встает против них как слепая и враждебная сила, становится источником зла и страдания. И вместо того, чтобы активно воздействовать на природу, возделывать сад Господен, люди успокаиваются на том, что неразумная и стихийная природа — «естественна», что смерть есть «закон». Если бы человечество осуществило братство во Христе, оно получило бы силу ввести косную природу в родственное «многоединство» сынов человеческих. И тогда не будет больше «слепых сил» и «мир» превратится в «мир». Тогда многоединый космос уподобится многоединому Богу. «Нужно человеческое многоединство как осуществление божеского Троицества»⁷. Раскрытие догмата Троичности и внутренней «соборности» Бога принадлежит к самым гениальным прозрениям Федорова. Соловьевская идея богочеловеческого процесса, сотрудничества человека с Богом в деле спасения и преображения мира, раздвигается у Федорова до необъятных пределов. Троичность Бога есть для него не догмат веры, а догмат *дела*. Человече-

ство призвано к величайшей активности, не только общественной, но и космической. Царствие Божие осуществляется здесь на земле самим человечеством, просветленным Божьей благодатью и объединенным взаимной любовью во имя Христово.

В социальном смысле учение Федорова радикальнее марксизма и коммунизма. Но «проект» его перерастает план социальный и вполне раскрывается только в плане религиозном. Федоров пишет: «Приготовление из целого человеческого рода орудия, достойного божественного через него действия, есть задача богословов»⁸.

Федоров говорит о религии как о реальной космической силе, преображающей мир, ставит христианству грандиозную практическую задачу всеобщего воскресения, подчеркивает значение человеческого элемента в религиозном деле, требует полного осуществления человеческого творчества — научного, технического, социального и богословского. С христианской точки зрения, многое в «Философии общего дела» спорно и неприемлемо. Религия Федорова слишком натуралистична, его мистика часто напоминает какую-то естественную магию, от его культа предков веет чем-то бесконечно древним, языческим и пра-славянским, и все же учение его, потрясающее своей смелостью, нельзя не признать «движением вперед человеческого духа по пути Христову». <...>

